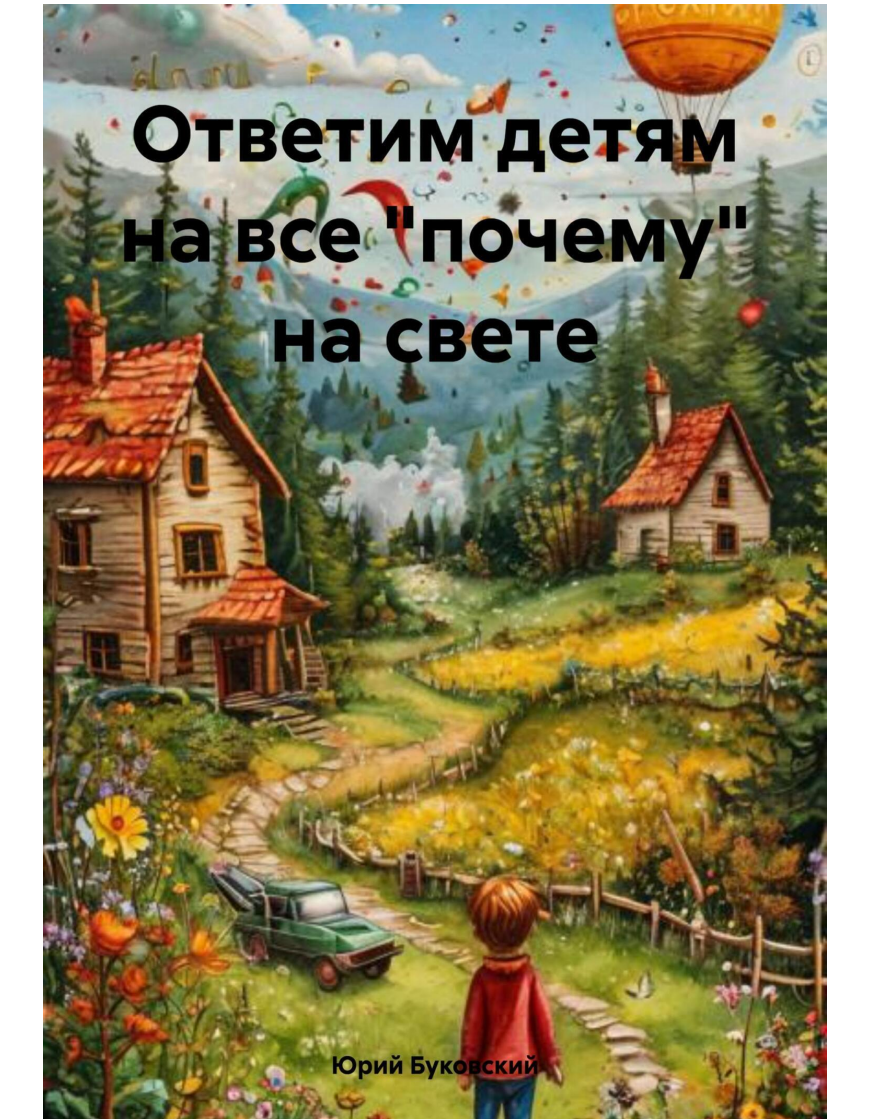

Ответим детям на все "почему" на свете

Юрий Буковский

Юрий Анатольевич Буковский

Ответим детям на все «почему» на свете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71932720

SelfPub; 2025

Аннотация

Очень жаль, что учёные до сих пор не удосужились подсчитать, сколько же вопросов «почему» задаёт ребёнок за всё время своего взросления. Судя по всему, вышла бы трёхзначная, а может быть, и четырёх- или даже пятизначная цифра. На некоторые из этих бесконечных детских «почему» и даётся ответ в этой весёлой книжке.

Содержание

Почему ёжики колючие	5
Почему доброта бывает злой и доброй	8
Почему лиса и петух поссорились и помирились	16
Почему котикам обязательно нужен свой дом	24
Почему кукушонок считал синичку мамой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Буковский
Ответим детям на все
"почему" на свете

Почему ёжики колючие

Жил-был Ёжик – весёлая и добродушная зверушка. Вот только иголки, растущие вместо шёрстки, уж очень удручали его.

– Ах, как жаль, что я колючий! – сетовал Ёжик. – Об эти мои иголки могут случайно пораниться мои друзья!

И вот греется он как-то на солнышке, на лесной полянке и мечтает:

«Хочу быть пушистым, с длинным хвостом. Хочу, чтобы гладили меня по шёрстке. Хочу мяукать, мурлыкать, а потом перевернуться на спину, и чтобы мне почесали животик!»

Тут видит он, Лиса в траве крадётся.

«А вот эта, Рыжая, пузико мне точно чесать не будет!» – испугался Ёжик, свернулся калачиком и ошетинился иголками.

Подобралась Лиса к колючему шарiku и осторожно тронула его лапой.

– Пуф! – подпрыгнул шарик и уколол Лису.

Взвизгнула Лиса, отпрянула, рассердилась. Но делать нечего, отправилась своей дорогой недовольная – съесть-то колючку ей не удалось!

Выждал Ёжик, пока она отойдёт подальше, развернулся в зверушку, греется на солнышке и снова мечтает:

«Хочу быть пушистым, мяукать, мурлыкать. А ещё хочу лаять, ловить на лету мячик и вилять от радости хвостом. Тогда меня и по шёрстке поласкают и животик почешут. А Лиса меня не съест!»

Тут видит он, Волк за кустами крадётся.

«А вот этот Серый, – испугался Ёжик, – ни пузико чесать, ни мячик бросать, точно не будет!»

Свернулся он калачиком, ошетинился иголками. Подкрался Волк к колючему шарiku и стал его обнюхивать.

– Пуф! – подпрыгнул шарик и уколол Волка прямо в нос.

Взвыл Волк от боли и помчался прочь, ругаясь от злости – съесть-то колючку ему тоже не удалось!

Выждал Ёжик, пока Волк убежит подальше, развернулся в зверушку и дрожит от страха. Потом успокоился и снова мечтает: «Хочу быть пушистым, мяукать, мурлыкать, лаять, ловить на лету мячик и вилять от радости хвостом. А ещё хочу шипеть и рычать. Тогда меня и по шёрстке погладят и животик почешут. А Волк будет меня бояться!»

Тут слышит Ёжик, Медведь по лесу ломится, деревца по пути валит, валежник под ногами трещит.

«А вот этого Косолапого – шипи не шипи, рычи не рычи – не испугать!» – совсем перетрусил Ёжик.

Свернулся он поскорее калачиком, ошетинился иголками. Шагает Медведь и прямо на колючий шарик идёт – вот уже лапищу над ним занёс, вот-вот раздавит.

– Пуф! – подпрыгнул шарик и уколол Медведя в пятку.

Взревел от боли Медведь, одёрнул лапищу и что есть духу прочь побежал. Лес на пути ломится, валежник под ногами трещит!

На этот раз очень долго выжидал Ёжик, пока рёв медвежий затихнет. Потом развернулся в зверушку, дрожит от страха – никак успокоиться не может. Но снова мечтает.

«Надоело быть пушистым – хочу быть колючим. Хочу ошетиливаться иголками, – свернулся он калачиком. – Тогда и Лиса, и Волк и даже Медведь мне будет не страшен!»

– Пуф! – подскочил шарик, потом раскрылся в зверушку, ощупал иголки, обрадовался и перестал мечтать: – А ведь я такой и есть! Как хорошо быть Ёжиком!

Почему доброта бывает злой и доброй

Жила в лесу Доброта. Была она гладкая, румяная, круглая – на колобка похожа. Да вот беда – никто в лесу не считал почему-то эту Доброту доброй.

И вот катится она однажды по лесной тропинке, песенку о добре поёт – громко-громко, чтобы все обитатели леса слышали:

– Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной —

Восхищайтесь моей добротой, красотой!

Вдруг видит – Зайчонок под кустиком плачет. А рядом пир горой – старшие братцы капустку хрупают.

«Пожалею маленького, пожалею слабенького – думает Доброта, – пусть все увидят, как я добра».

– Отчего плачешь? – спрашивает она у Зайчонка.

– Принесла мамочка капустки кочешок, – жалуется Косой. – А меня братцы обижают, полакомиться не дают.

– Не плачь, – успокаивает Зайчишку Доброта. – Голод – ерунда. Отвлекись от капустки – взгляни, как прекрасен день, как ярко светит солнышко, как шумит ветерок. И пе-

сенку послушай:

Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной...

Навзрыд разрыдался Зайчонок.

— Уходи! — твердит. — Уходи! Ты злая.

«Плохой Зайчик, — решила Доброта. — Неблагодарный».

И дальше по лесу катится, песенку поёт, зверушек к добру призывает:

— Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной —

Восхищайтесь моей красотой, добротой!

Вдруг слышит стон громкий. Видит — Волчица на травке лежит, лапу зализывает.

«Пожалею хищницу, — думает Доброта. — Тогда уж точно все в лесу поймут, как я добра. Если даже такой злоке сочувствую».

— Как дела, что воешь? — спрашивает.

— Нога в яму угодила, — жалуется серая хищница, — чуть не сломала, ободрала всю. Вот рану зализываю, не знаю, как теперь по лесу бегать буду, волчат кормить.

— А ты не думай о волчатах, — советует ей Доброта. — И о лапе забудь. Взгляни, как лес хорош, как деревья прекрасны, как они шумят зелёной листвой. А я тебе под шелест листьев песенку спою:

Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной...

Но не закончила она.

— Да ты смеёшься! — взревела Волчица.

Ладно, что хромая, бросилась на Доброту, чуть не загрызла. Еле-еле та ноги унесла, повезло, что Волчица из-за большой лапы вдогонку не кинулась.

«Вот уж злока так злока, — обиделась Доброта. — Сразу видно — хищница».

Катится она дальше, звонко, радостно песенку поёт, к добру жителей лесных, стало быть, приучает:

— Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной —

Восхищайтесь моей добротой, красотой!

Вдруг слышит она рык, треск. Видит, берёза упала, а под ней Медведь распластаный — выбраться не может.

«Облегчу, — думает Доброта, — Мишке страдания. Расскажу ему, какой он сильный, ловкий, как лихо по деревьям лазает. Тогда уж точно все поймут, как я добра».

— Что случилось, что ревьешь? — спрашивает она у Медведя.

— Да вот в дупло хотел заглянуть — нет ли медку? — хрипит Косолапый. — На берёзу влез, а она гнилая оказалась, повалилась вместе со мной. Повезло, что сучьями, ветвями при-

давила, а не стволом. Помоги, – крихтит, – освободиться.

– Ты сам виноват – надо смотреть, куда лезешь, – отвечает ему Доброта. – И сам справишься – ты, Мишка, сильный, ловкий. А я тебе лучше песенку спою:

Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ восторгайтесь мной...

Опять не допела она.

– Да ты издеваешься! – взревел Медведь.

Так разозлился Косолапый, что приподнял ветки, выкарабкался, по сторонам оглядывается, Доброту ищет. А той уже и след простыл – покатила стрёмглав, только её и видели.

«Хорошо, что я добрая, – думает она с сожалением. – Не будь меня, в лесу и вообще бы одна злость жила».

И снова звонко, громко поёт, снова к добру жителей лесных приучить старается:

– Я вас всех люблю, я всех обожаю —

Любимые, милые вас называю.

Но и вы в ответ полюбуйтесь мной —

Восхищайтесь моей красотой, добротой!

Вдруг слышит она крик, ругань. Подкатилась ближе, видит – на краю леса телега в луже застряла. И Мужик кнутом Лошадёнку рыжую лупит. А в телеге камней навалено – с горой! Вёз, видно, Мужик булыжники в деревню, улицу мостить, да и завяз.

Тянет Лошадка воз, тянет, под ударами кнута дёргается, обессилела и упала. Мужик ещё больше разозлился, ещё пуще её хлещет, ещё громче, на чём свет бранится.

Лежит Лошадёнка в грязи на боку, одним глазом жалобно на Доброту смотрит, от ударов вздрагивает.

И вот что-то тут с Добротой случилось. Может, слезинка, из-под ресниц длинных лошадиных выкатившаяся, на неё подействовала, может, ещё что. Но не выдержала она, чтобы защитить Лошадку, под кнут кинулась. Ну и не пожалел её Мужик – всю злость на Доброте сорвал, вдоль и поперёк исполосовал.

Угомонился, однако, помог Лошадке подняться, стал сзади телегу подпирать. Стараются оба, и он, и Лошадка, но не получается у них. И снова Мужик за кнут взялся.

Да только Доброта в грязь, в лужу прыгнула, пыхтит, колесо изо всех сил толкает – втроём они телегу и вытащили.

Мужик даже передохнуть Кобылке не дал, снова кнутом щёлкает. Надрывается Лошадка, а воз сдвинуть не может – из сил выбилась.

Кинулась Доброта под ноги вознице, за руки, за кнут хватает, крутится, хлестать мешает.

– Тьфу! – в сердцах плюнул на неё Мужик. – Да кто ты такая, что мою же скотинку мне бить не позволяешь? Тьфу! Колобок грязный! – снова плюнул на неё: – Тьфу!

Но разгрузил он воз наполовину, решил за два раза тяжёсть свезти. Худо-бедно поволокла Лошадка телегу по до-

роге.

А Доброта в лес вернулась. Идёт по тропке – в грязи вымазанная, оплёванная.

Видит – Медведь навстречу топает. Хотела она дёру дать, да сил нет. Собралась песенку спеть, да голос от усталости пропал.

– Слышал, слышал, – говорит ей Медведь, – как ты Лошадке подсобила. Дай-ка я тебя в озерце умою, плевки да грязь ототру.

Взял осторожно Медведь Доброту в огромные лапищи, отнёс к лесному озерцу, отмыл, оттёр.

Побрела дальше Доброта. Видит – навстречу Волчица, почти не хромает.

Попыталась она дёру дать, да не смогла, ссадины от побоев горят, шевельнуться больно. Хотела песенкой к хищнице подольстится, но и рта не смогла раскрыть.

– Слышали, слышали, – говорит Волчица, – как ты Кобылке помогла. Дай-ка я тебе раны залечу.

Стала онализывать Доброте отметины от кнута – как волчонку несмышлёному. Полегчало Доброте, поблагодарила она Волчицу, дальше уже пободрее катится.

Видит – всё тот же кустик, тот же Зайчонок, и пир горой, и такой же жалобный плач.

– Да сколько же это всё будет продолжаться? – возмутилась Доброта. – Вот я вам сейчас! – схватила она хворостину. – Зарубите себе на носах – первым делом вот его надо

накормить! Он маленький и братец ваш.

Расступились зайчата, ухватил крошечный Косой листик огромный капустный, хрупает и Доброту благодарит:

– До чего же ты добрая!

И вот с тех пор, случись что в лесу, напасть какая, все к Доброте спешат – выручай, помогай, вызволяй. То птенчика, из гнезда выпавшего, приходится ей на дерево водворять, то лосёнка глупого из болота выуживать, то лисят повздоривших разнимать, то червячков после дождя с дорожек откидывать – чтобы не раздавил кто случайно. Дел выше головы! И вечно то поцарапается она, то ушибётся, с дерева свалившись, то цапнут её под горячую лапу драчуны, то поскользнётся она в спешке на тропинке мокрой и нос расквасит, пару раз даже чуть не утонула в болоте.

К вечеру устанет Доброта, да так, бывает, намается. «Пропади всё пропадом! – думает. – Им – доброта, а мне – ссадины и шишки! Как хорошо раньше-то было, как славно – ни забот тебе, ни хлопот».

Да только – как чувствует – прискачет к ней в такую минуту рыжая Лошадка, трётся о Доброту мордой, ласкается. Проедет она на Лошадке по лесу, по лугу, закатом полюбуется, росой вечерней умоется да и отмякнет, отдохнёт душой. Вот только на пение теперь сил у неё уже не оставалось. Да жителям леса песня её, как оказалось, и не особо нужна была. Простучат вечером по тёплой земле копытца рыжей Лошадки, они и рады – знать, жива-живёхонька в их лесу Доб-

рота.

Почему лиса и петух поссорились и помирились

Жила на берегу лесного озера Лисичка. Под сосной, в песчаном пригорке была у неё нора.

Ах, какой прекрасный вид открывался с этой горюшки!

И любил захаживать к ней в гости Петух из соседней деревни. Бывало, сидят они рядком у норки на травке, озером любуются, смотрят, как ветерок водичку волнует – слегка-слегка осоку, кувшинки жёлтые и лилии белые покачивает – лесных пташек слушают и беседуют.

Да только болтали они вот так однажды, болтали, судачили, судачили, лесом, озером, кустиками-деревцами, водорослями-цветочками любовались да и повздорили. И повод-то был пустячный. Речь зашла о погоде.

– Никудышный, – предвещает Петух, – завтра денёчек будет – буря, ливень. Ты, Лиса, меня знаешь, я зря болтать не стану. На зорьке встаю, всех бужу, ненастье гребешком, бородкой и шпорами острыми чую.

– Знать-то я тебя знаю, – отвечает Лиса, – и давно. Да только я ведь тоже не лыком шита. Также рано встаю, на охоту хожу, тоже мастерица погоду угадывать. Гребешка, бородки и шпор у меня нет. Зато хвост пушистый. Вот он-то мне

и подсказывает, что ведро будет завтра – небо синее-синее, солнце яркое-яркое, и облачков не предвидится вообще, ни единого.

– Да как это – не предвидится? Да как же – ни единого? – возмутился Петух. – Да ты глаза-то, Рыжая, протри. Видишь, облачко плывёт? На коршуна похоже. Вот-вот солнце закроет. А за ночь и всё небо тучи заволокут. Ничего твой хвост в предсказаниях не смыслит. Наверное, он у тебя линяет – облезлый и на помело похож.

Про помело Петух, конечно, переборщил. Так, для красного словца произнёс – увлёкся. Хвост-то у Лисички был на загляденье – огненный, пышный.

– Смыслит, смыслит, – обиделась Лиса. – Он у меня ещё весной отлинял. Да какое же это облачко – коршун? Вот уж точно – у страха глаза велики. – Приставила она лапку козырёчком ко лбу. – Уж очень ты, Петя, коршунов боишься. А облачко всего лишь – птичка-невеличка. Даже можно сказать – муха, комар. Вот-вот растает. И вообще, что тебя мой хвост так волнует? Ты лучше на себя оборотись. Не понимаю, как такие сморщенные гребешок и бородёнка предсказывать что-то могут? Про шпоры, крючочки хилые, я уж и вообще молчу.

Насчёт гребешка и бородки Лисичка тоже, конечно, палку-то перегнула. Тоже для красного словца, обидные выражения выбрала. Они-то как раз у Петуха налитые были, пунцовые. А шпоры – крепки.

Слово за слово, наговорили приятели друг другу глупостей. Обиделся Петух, отправился, расстроенный, восвояси. Огорчилась Лиса, залезла в нору, обиженная, спать.

А денёчек наавтра выдался ни то, ни сё, ни погожий, ни ясный, так – светлый, серенький. Солнышко через облачка высокие, перистые не проглядывало, но и ветра с дождём тоже и в помине не было.

И вот сидит Лиса у норы, на небо поглядывает и размышляет: как бы ей с Петухом помириться? Привыкла она, что он к ней в гости заходит, и вместе они лесом, озером любуются, болтают о том, о сём.

Тут Заяц мимо скачет.

– Что, Рыжая, опечалилась? – спрашивает.

– Да вот с Петухом повздорила, – жалуется Лиса. – Голову ломаю, как теперь помириться. Дай, Серый, совет.

– Ох, не знаю, что тебе и сказать, – вздыхает Зайчишка. – У нас, у косых, сама знаешь, душа заячья, трусливая. Чуть ссора какая, сердце сразу в пятки уходит. И мы сразу дёру даём – только пятки и сверкают. Вот что я тебе скажу: петух птица грозная, у него шпоры, клюв. Мой тебе совет: беги скорей за тридевять земель, куда глаза глядят, пока он назад не вернулся.

И ускакал Косой.

«Да что же мне этот Заяц такое насоветовал? – думает Лиса. – Бежать куда глаза глядят? Вот сейчас я на озеро смотрю. И что ж мне теперь – по воде скакать? Так ведь не паучок

я, чай, не водомерка. Лисица Патрикеевна как-никак».

Тут видит она – Ежиха по делам своим срочным торопится.

– А ну, стой! – приказывает ей Лиса. – Быстро говори, как мне с Петухом помириться? Он мой хвост помелом обозвал.

– Ох, непростая задачка. Пуф-пуф-пуф, – пыхтит Ежиха. – Не знаю, что и придумать. У нас, у ёжиков, хвостов-то отродясь не бывало. Но вот тебе мой наказ: увидишь этого забияку, фыркай, ершись, иголками оцетинься, а потом исхитрись и уколи исподтишка. Пуф-пуф. Чтоб неповадно было! Чтоб знал в следующий раз, как обзываться.

Скрылась Ежиха в ёлках – и след простыл.

«Ну, пофыркать-то я ещё смогу, – размышляет Лиса. – А чем же я Петю-то уколою? Шипов у меня нет. Если палочкой какой или веткой, так исподтишка не получится».

И тут видит она – из норки Мышка серенькая выглянула.

– Пиу-пиу! Уступи-у! – пропищала и сразу обратно в норку нырнула.

Поняла Лиса, что Мышка её разговор с Зайцем и с Ежихой подслушала и тоже решила свой совет дать.

«А может быть, это и выход, – призадумалась Лиса. – Я бы сама никогда до такого не додумалась! Надо же! Пиу-пиу – уступи-у».

В это же время сидит Петух на заборе нахохлившись, по озеру лесному, по пригорку песчаному, по Лисичке скушает. Видит, Индюк под забором бормочет, гусениц-личинок

выискивает.

– Индюк-индюк, подскажи, как мне с Лисой помириться? – спрашивает его Петух. – Она мои шпоры крючками хилыми назвала.

– Щипать, щипать и щипать! Бр-р-р! – пробурчал Индюк, потряхивая свисающими с носа и с подбородка бородавками. – И побольнее! Лучше с вывертом, до синяков. Больно, больно, больно! Мы, индюки, только так и поступаем. Бр-р-р!

«Ущипнуть-то проще простого, – думает Петух. – Можно даже и с вывертом попробовать. Да как бы хуже не было. Испугается Лиса, убежит за тридевять земель. Где ж я её потом искать буду?»

Тут шествует мимо Баран.

– Что грустный? – у Петуха спрашивается. – Бе-е!

– Да вот с Лисой повздорил, – жалуется Петух. – С прогнозом погоды с моим ни в какую Рыжая не соглашается.

– Прав ты или не прав, – втолковывает ему Баран, – твёрдо стой на своём. Ни с кем никогда не соглашайся. Бодайся, упрись рогом! Бейся лбом об эту Лисицу, как об новые ворота. Скрути её в бараний рог. Мы, бараны, только так и поступаем.

«Стоять-то можно. Сумею, пожалуй, и твёрдо. Вот только на чём на своём? – посмотрел на небо Петух. – Я предсказывал, что буря будет, ливень. А где они? И в помине нет. Погода, как назло – ни то ни сё».

Тут Ласточка белогрудая перед клювом его крыльями чиркнула и щебечет на лету:

– Пиу-пиу! Уступи-у!

Упорхнула птичка, только и видел её Петух. Но сообразил он, что она его разговоры слышала и решила свой совет дать.

«Пиу-пиу – уступи-у? – удивился Петух. – Надо же! Я бы сам никогда до такого не додумался. Ну да ладно, попытаюсь, послушаю Ласточку, соглашусь с Лисой».

Отправился он к норе, подошёл поближе.

– Ку-ка-ре-ку! – кричит. – Пиу-пиу, уступаю! Согласен с тобой, Рыжая. Денёк-то нынче пригожий выдался! Солнечный! Ку-ка-ре-ку!

– Да нет же! Тяв-тяв! – возражает Лиса. Она ведь тоже решила с ним согласиться. – Это я с тобой согласна, Петух. Пиу-пиу, уступаю! Никудышная погодка нынче, облака. Того и гляди дождик заморосит и гром грянет. Тяв-тяв!

Слово за слово, ещё пуще разругались друзья.

Снова рысит Петух восвояси, только шпоры сверкают. «Ноги моей на этом пригорке больше не будет!» – на бегу сердится. А над ним Ласточка вьётся. Приостановился Петух.

– Что ты крутишься, крыльями стрижёшь, – птичку стыдит, – стремглав мчатся мешаешь? Послушал я тебя, уступил Лисе. Ещё хуже из-за этого ссора вышла!

– Уступать – значит не спорить, не настаивать на своём. Пиу-пиу! Уступи-у! – И скрылась пташка.

«Так вот в чём дело, оказывается! – удивился Петух. – Выходит, я неправильно мирился!»

Поворотил он обратно, к норе.

Увидела его Лисичка. «Ох, прав был Заяц! – испугалась. – Надо было за тридевять земель мчаться. Ох, заклюёт меня сердитый кочет! Опять браниться бежит!»

Да тут Мышка мордочку из норки высунула:

– Уступить – это значит не спорить, не ругаться. Пиу-пиу! Уступи-у!

Сказала и в домик юркнула. И Петух уж тут как тут – нагрянул.

На этот раз помирились друзья, по-настоящему.

Уселись, как раньше, рядом, принялись беседовать. Лисичка про грибы речь завела.

– Лисичек, – сулит, – этим летом видимо-невидимо будет!

«Да откуда ж – видимо? Откуда ж – невидимо? Коли сушь такая в лесу! – собрался было поспорить Петух, да вовремя осёкся. – А вдруг, – думает, – Рыжая хвостом своим огненным приближение дождичков грибных чует?» Стал он слушать внимательно.

И ох как занятно Лисичка о лисичках рассказывала! Всё-то она о них знала! И как грибницы растут, и почему грибочки рыжие, и как семейки их многодетные по мху, по травке разбегаются. И отчего их гусеницы не грызут. Петух заслушался!

Сидит, смотрит с пригорка и удивляется: «А озеро-то

опять красивым сделалось! Когда ссорились, хуже было!»

А Лисичка рассказывает и тоже на кувшинки жёлтые и на лилии белоснежные любит. И тоже у неё в голове мысль радостная мелькает: «Надо же, когда ругались, цветочков-то я и не замечала! Всё кругом невзрачным казалось!»

С тех пор не ссорились больше друзья. А все потому, что, как только соберутся они ругаться, настаивать на своём, так сразу Лисичке Мышка серенькая, а Петуху Ласточка легкрылая вспоминается. И совет их добрый слышится: «Пиу-пиу! Уступи-у!»

Почему котикам обязательно нужен свой дом

В одной деревне жил-был кот. И не было у этого кота имени. Вернее даже, у него было сразу несколько имён – и Барсик, и Васька, и Пушок, хотя он был довольно-таки облезлым, и даже Мурка, хотя он был кот.

А вот девочка Тася из домика на краю деревни звала его Мурзиком.

И не только с именем у этого многоликого кота была неразбериха: непонятно было, бездомным жил-был этот Мурзик или нет. Потому что, с одной стороны, никто и никогда не приглашал его в свой дом ночевать. И в то же время чуть ли не половина деревни вкусно и сытно кормила кота, выставляя у крыльца баночки из-под консервов с молоком, кашей, лапшой, супом, или даже с остатками котлет, или даже сметаны, или даже с кусочками варёной или жареной, а бывало даже, что и сырой рыбы.

А вот девочка Тася из домика на краю деревни угощала кота молочком и пирожными не из консервной банки, а из его собственной, можно даже сказать, именной Мурзиковой мисочки.

Она и была бы рада полностью одомашнить этого полу-

бездомного кота и не только пичкать его конфетами и пирожными, но и пускать в свой дом ночевать, но ей не разрешала мама, с которой они отдыхали на даче, пока папа в городе зарабатывал на жизнь. Однако именно Тасю из-за его собственной, личной посуды кот считал своей хозяйкой.

И вот однажды тёплым летним утром прогуливался наполовину бездомный Мурзик по тропинке неподалёку от деревенского колодца и размышлял, как бы всё-таки вселиться в дом на краю деревни и стать целиком и полностью одомашненным котом. И вдруг слышит откуда-то сверху громкий писк. Кот задрал голову и разглядел в самой гуще раскидистой черёмухи гнездо с торчащими оттуда желторотыми тёмными головками. Писк раздался снова.

Надо сказать, что до этого солнечного утра Мурзик никогда не ловил птичек. А зачем? Он и так вкусно и сытно питался. Но тут в его голове мелькнула дерзкая мысль: а не сделать ли Тасиной маме подарок? Чтобы она всё-таки пустила его в дом ночевать. Не угостить ли её свеженьким птенцом?!

Сказано, вернее, придумано – сделано. Поточил кот о ствол черёмухи когти, примерился и стал неторопливо, с важным видом – а куда спешить, птенчики-то не улетят, не умеют ещё – карабкаться на дерево. Но не успел он добраться даже до самой нижней ветки, как вдруг откуда ни возьмись на него налетела синичка и сбросила ему на морду, как бомбочку, грязного червяка – птичка несла его своим деткам в гнездо, но неожиданно обнаружила карабкаю-

щегося хищника. И пока Мурзик, мотая головой – лапы-то заняты – пытался скинуть прилипшую мерзкую, шевелящуюся бомбочку с нежного носа, синичка с писком стала набрасываться на него сзади, норовя клюнуть незваного гостя в темечко.

Мурзик поскорее добрался до нижней ветки, уселся на неё и сбросил наконец-то червяка. И начал умывать запачканную мордочку. Большинство котов и кошечек, и не только домашних, но даже и бездомных, очень чистоплотны.

И пока он старательно чистился, вокруг черёмухи собралась целая стая птиц! Тут тебе и синички, и воробьи, и ласточки, и дрозды, и скворцы, и малиновки, и трясогузки. Кто с червяками, а кто и с жирными гусеницами в клювике. И все они, как по команде, начали бомбардировать кота, целясь в нос! И несдобровать бы Мурзику, не спрячься он под густую ветку, что была выше по дереву. Да вот беда – на этой самом ветке, преграждая коту путь к гнезду, тоже откуда ни возьмись, увидел он усевшихся рядом огромную ворону и почти таких же размеров сороку-белобоку. Они не галдели, не верещали и не бомбили кота червяками и гусеницами. Свесив головы, они уставились на него двумя парами чёрных, немигающих бусинок глаз, как два удава, и молча ждали, как бы приглашая Мурзика: «Ну, лезь, лезь к нам. Если тебе не дороги твой нос, глаза и хвост».

Кот призадумался.

А в это время у дома на краю деревни три ласточки-по-

сылльные хором взволнованно щебетали Тасиной маме.

– Там ваш котище! – они тоже считали и Тасю, а с ней и её маму хозяевами кота. – У колодца! На дереве! Он хочет слопать синичкиных детей!

– Вот безобразник! – возмутилась мама. – Неужели мы его плохо кормим?!

Она схватила Тасю за руку, и они вместе побежали к колодцу.

А Мурзик к тому времени был уже обложен со всех сторон: сверху его поджидали ворона с сорокой, вокруг в воздухе вертелись всякие мелкие пташки с бомбочками, а внизу у дерева собрался возмущённый деревенский сход.

– Что за порядки в нашей деревне?! – галдели кружащиеся пернатые. – Почему нам не дают спокойно воспитывать своих птенцов?!

– Что ж ты, Васька? Что ж ты, Барсик? Что ж ты, Пушок? Что ж ты, Мурка? – укоризненно вторили птичкам из-под черёмухи вооружённые прутиками жители деревни. – Ты же сытно питаешься! Неужели сегодня не доел?

Но хуже всего для Мурзика было то, что чуть поодаль, за колодцем, собиралась ватага мальчишек, которым только дай повод покидаться безнаказанно камешками в кота.

Понял Мурзик, что пора ему убираться подобру-поздорову. Он изловчился, извернулся, с криком «Мяу!» слетел по стволу черёмухи вниз на землю и, получив в наказание пару ударов прутиком и нескольких грязных червяков и гу-

сениц по спине, опрометью, с визгом и с позором скрылся от защитников гнездышка в кусты.

«Вот она, человеческая несправедливость, – сердился Мурзик, притаившись в зарослях и вычищая из шерсти грязь. – Мирного, доброго кота – прутиком, а нападавших на него злых птиц – нет!.. Надо попробовать поискать какой-нибудь подарок в темноте. Когда все, а главное – мальчишки с камнями, уснут, – решил он не отступаться от своей задумки. – Надо поймать и подарить Тасиной маме мышку».

Сказано, вернее, придумано – сделано. Когда стемнело и вся деревня уgomонилась, кот вылез из укрытия, добрался до Тасиногo дома и залез через поддувало в фундаменте в подпол. Мышки, почуяв неладное, тут же спрятались в норки. А Мурзик погулял в подвале, подыскивая подходящее место для засады, и затаился в уголке, внимательно прислушиваясь к мышинoму писку и возне. Вскоре мышки осмелели и стали выглядывать из своих норок, проверяя, убрался их враг восвояси или нет. И мимо спрятавшегося кота попытался прошмыгнуть самый отчаянный и легкомысленный мышонок. Мурзик одним прыжком догнал и схватил его.

Однако надо сказать, что коты умеют ловить мышей очень осторожно – легонько прижимают жертву лапой к земле, а потом берут её зубами за шкуру и живую приносят своим котятам, чтобы они могли с ней поиграть, перед тем как съесть. Или своим хозяевам, чтобы они тоже могли с мышкой немножко позабавиться.

И вот утром, когда Тасина мама вышла на крыльцо, Мурзик услужливо положил живого и здоровёхонького мышонка к её ногам, чтобы она с ним чуть-чуть поиграла, а потом полакомилась.

Какой визг он услышал! Какой крик! Проснулись и Тася, и соседи, и даже те, кто жил на другом конце деревни. Все они стали сбегаться к крыльцу, а заведя мышку, снова принялись стыдить кота:

– Ах ты, Васька! Ах ты, Барсик! Ах ты, Пушок! Ах ты, Мурка! Лучше б попросил у нас молочка! Или даже сметаны! Зачем ты хочешь загрызть мышонка?

И некоторые из собравшихся в очередной раз попытались поучить кота прутиками. И опять Мурзику пришлось с криком «Мяу!» удирать и прятаться, на этот раз под крыльцо.

А Тася не боялась мышей. Пока все кричали, визжали и стыдили кота, она взяла тёпленький, мякенький Мурзинов подарок в ладошки, отнесла его в дом и посадила в коробку. Затем нарисовала на картонке красный крест и добавила синим: «Больница». И стала лечить мышонка. Примочки из подорожника – на больную головку; ванночки из ромашки – для помятых лапок; валерьянка – от нервов; сыр, сало и шоколадка – для подкрепления сил. И даже бубнила, как бабушка, заговоры. Всё это помогло. Вскоре мышонок самостоятельно выписался из клиники, когда Тася на минутку выскочила за листьями пустырника в сад. Вернулась – а больного и след простыл!

Ну, а Мурзик тем временем терялся в догадках, не зная, что бы ещё такое придумать, чтобы всё-таки угодить Тасиной маме.

«Вот она – человеческая несправедливость, – возмущался он. – Какую-то мышь, воровку, которая таскает у них конфеты из буфета, в дом несут! Сметаной, небось, сейчас потчуют! А валерьянкой-то как сладко из-под дверей несёт! А мирного, доброго кота – снова по спине прутиком!.. Чем бы всё-таки Тасину маму угостить? Может, поймать ей лягушку?.. Но она ведь не француженка... Или майского жука? С хрустящей корочкой!.. Но она и не китаянка... Жаль. Жуков нынче много. Но вдруг да опять – по спине прутиком?»

Дождлся Мурзик, когда все собравшиеся разошлись, вылез из убежища и пошёл печальный по деревенской улице. А в каждом доме коты и кошечки на подоконниках как статуэтки сидят и на него, на Мурзика свысока смотрят. Вдруг видит, в одном дворе хозяйка курицу разделывает.

«А вот это удача! – обрадовался кот. – Окорочок! Куриный! Или грудка! Да на шашлычок! Да в субботу! Да какая же мама откажется?!»

Он осторожно пробрался на участок и затаился в малинике неподалёку от стола, где тесаком орудовала хозяйка. А та уложила куски курятины в кастрюлю, залила водой и понесла в дом. Кот за ней. Пробрался в кухню и спрятался под столом. Видит – стряпуха поставила кастрюлю на растоплен-

ную плиту.

«Теперь поскорее бы ушла, – думает Мурзик. – Пока бульон не вскипел».

Всё сложилось как нельзя лучше: хозяйка отправилась в огород, на грядки за приправой. Мурзик осторожно вылез из-под стола и одним прыжком вскочил на край плиты. И чуть было не свалился обратно: даже сбоку, по краю, железо жгло подушечки лап. Чтобы вытерпеть жар, Мурзика сразу же пришлось начать выплясывать какой-то замысловатый танец, постоянно перебирая всеми четырьмя лапами.

Но это ещё, как говорится, были цветочки. Кастрюля-то стояла посредине плиты, на конфорке!

Мурзик попытался дотянуться и снять крышку – вот она, совсем близко, в двух шажках! Он одной передней лапой решительно ступил на горячий щит, взвыл от боли, но когтями второй зацепил крышку за рукоятку и рванул на себя. Крышка крутанулась на краях кастрюли, и, вычерпнув немалую порцию куриного варева, с грохотом свалилась на железный щит. Кухня, с шипением, стала наполняться бульонным паром. Зато теперь между танцующим на краю плиты котом и вожденной кастрюлей, как мостик на раскалённом железе, расположилась не такая уж и горячая крышка. Правда, лежала она ручкой вниз – не очень устойчиво. И когда кот попробовал влезть на неё, от каждого его движения она начинала качаться на рукоятке и брякать, ударяясь о чугунный щит. Казалось, что это был какой-то новый сложный аттрак-

цион: не свались в тумане с болтающейся крышки на горячую плиту!

Пытаясь сохранить равновесие, кот наудачу запустил лапу в кастрюлю и вытащил кусок курицы. Но это было крылышко. «Одни кости, мяса мало!» Он бросил добычу на плиту. Крылышко зашипело, наполняя кухню новой порцией пара и запахом поджаренного мяса. Следом за этим крылышком последовало и второе. И когда кот, наконец, повизгивая от жара, нащупал в горячем бульоне окорочок, в кухню как ни в чём не бывало, напевая весёлый дачный мотивчик, с пучками лука, сельдерея и укропа вернулась хозяйка. И увидела в клубах пахучего тумана какого-то зверя, танцующего на дребезжащей крышке чечётку и вылавливающего куски курятинки из кастрюли!

– Там чёртик! С рожками! – с визгом выскочила она во двор. За рожки она приняла в тумане торчащие Мурзиковы уши.

Кот с куриным окорочком в зубах – за ней. Хозяйка, как от чёртика, – от него. Но разглядела в прозрачном, без тумана воздухе кота и схватила полено. Еле-еле Мурзик увернулся!

Хромая на все четыре обожжённые лапы, но с чувством исполненного долга явился он к Тасиной маме и положил к её ногам очередное подношение.

– Ах ты, жулик! Воришка! У кого ты куриную ногу стащил? – возмутилась мама.

«Ох уж эти люди! – удивился Мурзик. – Никак не угодишь!»

Опять Тасина мама поступила не так, как рассчитывал кот. Она не стала разжигать мангал и дожаривать ножку, схватила подарок и побежала искать хозяйку украденного окорочка. И довольно быстро нашла её, узнав на улице по растерянному виду и толстому полену в руках.

Пришлось им вместе идти в магазин. Там Тасина мама купила пострадавшей женщине другую курицу. А та, в свою очередь, поняв, зачем кот воровал окорок с горячей плиты, восхитилась его самоотверженностью и приобрела Мурзику в подарок противоблошный ошейник.

Ну, а Тася тем временем внесла кота в дом и уложила на мягкую вату в больницу, из которой недавно выписалась мышка.

Лежит Мурзик в коробке, а Тася перед ним хлопчет. Примочки, компрессы – для заживления лапок; сметана, кильки, пирожное – для поддержания сил; валерьянка – для лакомства и успокоения. Подстилка под Мурзиком мышкой пахнет, и от этого запаха, смешанного с запахом валерьянки, совсем опьянел кот. Но не радуется он, а думает печально: «Что ж это получается? Теперь каждый раз за постой куриное мясо придётся с горячей плиты таскать?»

И задремал Мурзик с грустными мыслями.

Проснулся – опять молочко, конфеты дают, перевязки делают, мази готовят, в тазик воду тёплую льют – мыть соби-

раются. Противоблошный ошейник сонному ему на шею надели, бантик синенький повязали. И окорок воровать никто не требует!

Обрадовался Мурзик, замурлыкал.

– Мамочка, он выздоравливает! Он мне уже песенки поёт! – от счастья на весь дом закричала и запрыгала Тася.

На следующий день взяла она кота на руки и пошла погулять с ним по деревенской улице. Навстречу ей девочка, с кошечкой с розовым бантиком и на поводке.

– У вас кошечка? – спрашивает её Тася.

– Кошечка. Её Эльза зовут, – отвечает девочка.

– А у меня Мурзик, котик, – представила своего подопечного Тася.

– А почему у него лапки перевязаны? – полюбопытствовала девочка.

– Он для нас еду добывал и обжёг, – объяснила Тася.

– Больным надо много гулять, – посочувствовала девочка. – Давайте гулять вместе.

А Мурзик смотрит сверху и видит – трётся расфуфыренная Эльза о ноги хозяйки, мурлычет, ласкается не переставая.

«Вряд ли эта фифа с её-то бантиками, ошейничками и плетёными поводочками за мышами гоняется! – думает Мурзик. – Вот так, наверное, и становятся домашними животными».

И решил он тоже попробовать к хозяевам, как кошечка,

подлизаться. Просто так, без подарков. Стал тереться бочком, на колени к маме и приехавшему на выходной папе залезает, когда они в кресле перед телевизором устроятся. Горлышко им подставляет, чтоб почесали, спинку гнёт, чтобы погладили, в клубочек сворачивается и песенки без устали поёт.

И как-то очень быстро превратился он в полностью одомашненного кота.

Ну, а потом и осень приблизилась. Взяли Мурзика в город. К тому времени он ухоженным стал, шерсть густая, пушистая. Поэтому Тася объявила в классе, что её Мурзик сибирской породы.

– Посмотрите, какая у него тёпленькая шубка, – объясняла она своим подружкам. – Как раз для трескучих сибирских морозов.

Нарисовала она Мурзику котиный паспорт и сочинила для него родословную со знатным сибирским происхождением.

Но и у других девочек в классе тоже были свои коты и кошечки. И они тоже нарисовали для них паспорта и придумали родословные и однажды устроили в Тасиной квартире кошачью выставку. Мурзик завоевал на ней золотую шоколадную медаль. Кстати, так же, как и все остальные участники показа – десять котов и кошечек. Все они были признаны лучшими или в своей номинации, или в породе.

Почему кукушонок считал синичку мамой

Жила-была птичка-синичка. Жила в лесочке рядом с фруктовым садом и была невеличкой, но ловкой и ладненькой – на загляденье! Грудка жёлтенькая с чёрным галстучком, спинка зелёненькая, крылышки голубенькие с тёмными полосками, а щёчки белые-белые и на голове чёрная шапочка.

И очень любила синичка петь. Почти круглый год звучал в саду её звонкий голосок. И лишь когда ударяли морозы она умолкала. Но при первых же оттепелях снова раздавалось её весёлое «Цвинь-цвинь! Тр-ра-ра!»

И вот снесла однажды летом синичка пять яичек, высидела всю кладку, выкормила птенцов, поставила выводок на крыло и собралась заняться любимым делом – пением.

Да не тут-то было! Подлетает она как-то к своему гнездышку и замечает, что птица подозрительная в кустах мелькнула.

А надо сказать, что ещё раньше, весной, парочка злых воробьёв выгнала невеличку из её домика-синичника во фруктовом саду. И пришлось ей приютиться рядом в лесочке в заброшенном сорочьем гнезде – синички не умеют вить гнёзда

из веток и прутьиков и селятся или в дуплах деревьев, или в щелях под крышами домов и сараев, а иногда и в старых, заброшенных птичьих жилищах.

«Наверное, бывшая хозяйка сорока решила вернуться в свой дом, – заметив в листве птицу, испугалась синичка. Но тут же засомневалась: – Хотя сорока, она ведь белобока, а эта незнакомка серая и с полосками – на ястребка похожа».

Однако долго гадать ей не пришлось, глянула она в гнездо – вот те раз! – там яичко лежит. Синичка даже опешила от неожиданности: «Неужели, – думает, – я не всю кладку высидела? Да нет же, – припомнила, – ровно пять яичек я снесла и столько же деток на крыло поставила».

Посмотрела она повнимательней – не её это яйцо! Похожее – тоже светлое, в коричневую крапинку, но с другим рисунком и крупное – нет, не её, не синичье. Приложила она ухо к скорлупке, а та едва тёплая и внутри никто не шевелится, не скребётся.

«Да что же это я время теряю? – опомнилась невеличка. – Надо срочно на кладку садиться, пока она ещё не остыла, пока ещё птенчика высидеть можно, пока он ещё не погиб!»

Долго ли, коротко ли, но через двенадцать дней проклюнулся из скорлупки птенец. Страшненький! Ни на папу, ни на маму не похож. Чудище какое-то – без пуха, розовенький, морщинистый и размером почти с синичку. Разинул он ротик оранжевый и вместо «Здравствуйте!» прокричал:

– Дайте поесть!

«Кукушонок! И птица серая на ястребка похожая, что у гнезда пряталась – кукушка! – сообразила синичка. – Слышала я рассказы о том, как мамы-кукушки подбрасывают свои яйца в чужие гнёзда. Вот и меня угораздило кукушонка высидеть. Что же мне теперь с ним делать?»

И будто отвечая на её вопрос, новорождённый снова потребовал:

– Дай поесть!

Ничего не попишешь, стала синичка кукушонка выхаживать. Прожорлив он был на удивление! Больше, чем весь её выводок, вместе взятый, съедал.

«Это ещё повезло, – каждый раз, подлетая к гнезду с добычей в клювике, утешала себя невеличка, – что кукушка поздно яйцо мне подбросила. Иначе всех вместе – своих птенчиков и этого подкидыша – я бы прокормить не смогла. С таким едоком, – пугала она себя, – в моём фруктовом саду скоро и вообще червячков и гусениц не останется! И мошки с комариками переведутся!»

Синичка уже примеривалась как бы рискнуть и отправиться на разведку в чужие уголья, да тут кукушонок заболел – ночи стояли прохладные, росистые, голенького птенчика не согревали с боков братья и сёстры, и он простудился.

Кукушонок кашлял, чихал, сморкался. Вначале ещё просил сиплым голосом: «Хочу гусеницу, зелёненькую». А потом и вовсе замолчал. Он лежал на животике, раскинув костлявые крылышки, опустив на подстилку сморщенную голов-

ку — голенький, беспомощный — и одним глазом грустно смотрел на синичку.

«Чем же лечат этих кукушат? Какими снадобьями? — не на шутку перепугалась синичка. — Где ж его мама? Как бы мне пригодился сейчас её совет!»

Принялась она за лечение. Невеличка пичкала больно-го лечебными травами и жаропонижающими ягодами малины. Она облетела все репейники в округе в поисках прицепившейся собачьей шерсти и выткала из найденных клочков одеяльце. По ночам она не спала и следила, чтобы дуновение ветерка не скинуло с кукушонка шерстяное покрывало, а днём обтирала мечущегося в жару больного листиками и ставила ему компрессы.

В конце концов уход, лекарства, витамины и жаропонижающее дали о себе знать, и птенчик пошёл на поправку.

Ах как радовалась синичка, какой сладкоголосой музыкой прозвучала для неё с трудом вымолвленная им просьба: «Дай, пожалуйста, поесть!» С какой счастливой готовностью помчалась она во фруктовый сад, с каким удовольствием выковыривала из-под коры яблони зелёную гусеницу и как стремительно несла это его любимое лакомство к гнезду.

А вскоре и вообще всё наладилось: вернулись тёплые ночи, и птенчик начал покрываться пушком и пёрышками. И выздоровел окончательно.

Кукушонок рос не по дням, а по часам, и к концу лета стал

намного больше синички, научился летать и добывать пищу. И когда потянулись осенние дожди, и ночи стали длинными и холодными, начал собираться на юг.

– Полетим вместе, – уговаривал он синичку. – Перезимуем в Африке, а весной вернёмся в лесок.

– Синички – птицы не перелётные, – отвечала невеличка. – Крылышки у нас коротенькие – куда мне в такую даль?

– Ты замёрзнешь в своём гнезде. Оно дырявое и без крыши над головой, – волновался кукушонок. – Я переселю тебя обратно в синичник.

– И не думай! – испугалась за него синичка. – Тебе не справиться с двумя злыми воробьями, они тебя заклюют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.